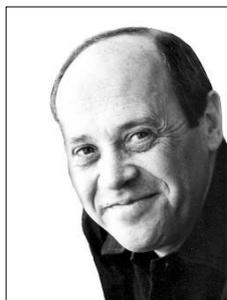

ТОРЖЕСТВО ПОГУБИТЕЛЕЙ

Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Реплика г-жи Простаковой из «Недоросля»

Геннадий Красухин,
профессор
Московского
государственного
педагогического
института,
доктор
филологических
наук

Кажется, многолетняя борьба властей с традициями национального образования вступила в заключительную фазу. Дело идёт к полной и безоговорочной капитуляции традиций российской школы.

Наверное, многим запомнилась недавняя телевизионная передача «Времена», где министр Фурсенко вяло отбивался от наседавших на него академиков Алфёрова, Велихова, Садовниченко. Учёные доказывали, что единый экзамен не способствует развитию образования в России, он вреден школе и не может служить единственным измерителем качества знаний школьников. Нельзя только по результатам ЕГЭ принимать выпускников школ в вузы, решая тем самым их судьбу. Об этом говорили представители педагогической и социологической общественности в той же и во многих других передачах, газетных и журнальных выступлениях.

Споры о едином госэкзамене ведутся давно — с тех пор, как он был предложен. Правда, спорами эту дискуссию называть, очевидно, неверно. Спорящих почти нет: сужу по прессе, по редакционной почте газеты «Литература» (Издательского дома «Первое сентября»), которую я возглавляю, и по встречам с учителями регионов России, где часто бываю в командировках. Нет спорящих сторон, есть противоборствующие: педагогическая общественность (учительская масса) против чиновников от образования (представителей власти). И хотя абсолютное большинство борется с ничтожным меньшинством, результат такой борьбы предсказать нетрудно: по установившемуся не так давно правилу общественности предоставлена широкая свобода высказываться, а властям — делать своё дело, не обращая на эти высказывания никакого внимания.

Удивительная в самом деле вещь: национальные традиции рушат под разговоры о необходимости найти и сформулировать для общества национальную идею! Кажется, одну из составляющих этой идеи власти для себя нашли и пытаются утвердить: из общества должно быть вытеснено гражданское сознание, а чтобы его вытеснить, следует лишить человека способности к самостоятельному, независимому мышлению.

Установка сейчас очевидна: она связана с внедрением ЕГЭ. Связана в первую очередь с той ролью литературы, которую, по мысли реформаторов, она должна играть и уже играет в школе.

Роль эта называется сегодня исчезновением.

Началось её «внедрение» с сетований о неизбежной субъективности в оценке школьного сочинения, о том, что родители часто не согласны с учителями. Проблема, конечно, существует. И очевидно, что она может быть решена при точном и определённом формулировании тем, которое сведёт к минимуму субъективность оценщиков. Ведь субъективность оценки всегда свидетельствует о размытости задания. Но формулировками тем выпускного сочинения занимаются чиновники от образования. И здесь налицо не только формулировки, но и самая настоящая подмена жанра, который проталкивают в школу под видом ученических сочинений.

От школьника потребовали создавать такие произведения, которые он по определению создавать не обязан. Да и не может в массе своей. Например, написать рецензию на книгу и выступить, таким образом, в роли литературного критика. Или стать публицистом: написать эссе (обычно для его заглавия чиновник выбирает

какую-нибудь цитату). Или, наконец, продемонстрировать литературоведческие навыки, анализируя произведение. **Чиновники от образования будто забыли об основной и единственной функции существования школьной литературы: научить человека понять книгу, полюбить её, полюбить чтение, а не растить критиков или литературоведов.** Стало быть, что прежде всего нужно было сделать? Правильно: усомниться в компетентности чиновников. А что сделали? Взяли под сомнение правомерность существования самого сочинения. Удивительно? По-моему, нет. Кому было предоставлено право брать под сомнение? Тому же чиновнику, который станет разве сомневаться в собственной компетентности: он непременно поищет объяснение причин на стороне! И вот нашёл (без аргументов): многолетне испытанное средство контрольной проверки знаний ученика по литературе устарело! Сочинение предложили заменить изложением.

Однако, поняв, очевидно, что дали маху (изложение, как и диктант, — проверочное задание не по литературе, а по языку), модернизировали экзамен: пусть выпускник пишет изложение, а потом, допустим, анализирует этот отрывок в контексте всего произведения. Иными словами, после никому не нужного изложения ученику предложено написать полноценное сочинение.

Такая проверочная форма внедрена сейчас для выпускного экзамена в 9-м классе. Она сильно осложняет жизнь девятикласснику, вынужденному выполнять два разных задания на одном экзамене. (Для чего? Разве недостаточно одного сочинения, чтобы оценить его и за грамотность, и за понимание литературы?)

А выпускникам средней школы министерство навязало ЕГЭ, бесконечно экспериментируя с литературой в его рамках. Литература, по воле министерских работников, уступила русскому языку статус обязательного для всех экзамена. На мой взгляд, уже только это — тяжёлое и ничем не оправданное преступление перед нацией (народом), перед её традициями, перед её будущим.

Объяснение этого шага нынешней низкой грамотностью школьников не убеждает. Как не могу я простить чиновникам от образования и то, что за счёт отобранных у литературы часов в старших классах ввели изучение русского языка. Неграмотность, плохая, низкая грамотность свидетельствуют прежде всего о нелюбви к чтению, к книге. Мне много раз приходилось писать о том, что так называемая врождённая грамотность развивается благодаря чтению: глаз запоминает верное написание, фиксирует его, а в будущем на уроке русского языка ребёнок узнаёт, почему слово пишется так, а не иначе.

Без чтения заучивание грамматических правил превращается в обычную зубрёжку, которой не исправишь дела, даже если введёшь уроки русского языка во всех вузах на всех курсах! Литература в школе существует именно для того, чтобы на-

учить детей читать книгу, полюбить её. Полюбив книгу, открыв благодаря ей в себе «чувства добрые», человек формируется как личность мыслящая, нравственная, равнодушная к тому, что происходит в его стране и в мире. Вот почему **экзамен по литературе искин был обязателен для всех вне зависимости от выбранной выпускником специальности.**

Для чего чиновникам нужно было убирать литературу как обязательный для всех экзамен? Будем считать, что сделали они это по неведению (что, разумеется, их не оправдывает и не извиняет). Но этим шагом они не исчерпали своё «реформаторство». Самые либеральные из них предоставили выпускникам выбор: сдавать литературу в рамках ЕГЭ (т.е. пройти тестирование), сдавать устный экзамен или писать выпускное сочинение.

Самые либеральные они потому, что во многих российских регионах выпускники подобного выбора лишены: чаще всего они обязаны пройти тестирование в рамках ЕГЭ. (Знаю, что там, где всё-таки выбор есть, многие учителя подталкивают детей к отказу от сочинения в пользу устного экзамена, облегчая этим свою преподавательскую жизнь: одно дело принять экзамен устно и совсем другое — проверить несколько десятков сочинений! Но, облегчая себе жизнь, они уподобляются врачам, нарушившим клятву Гиппократова: ведь сочинение — ещё и документированное свидетельство их профессионализма. А как проверить чистоту устного экзамена? Мы ведь помним, что всё начиналось с сетований на субъективность оценок.)

Понятно, что региональные чиновники попросту спешат выполнить установки столичных, настойчиво продвигающих ЕГЭ, настойчиво укладывающих литературу в его прокрустово ложе. Хотя в лежащей сейчас передо мной брошюре по литературе, включающей учебно-тренировочные материалы для подготовки к единому госэкзамену, мысль о его про-

крустовом ложе с негодованием отвергается. «Экзаменационные испытания, — пишут авторы, — должны отвечать специфике литературы как виду искусства и учебной дисциплине». Понимают, стало быть, что литературе присуща духовность. Ну, а поддаётся ли дух тестированию? Разумеется, нет. Что и демонстрируют авторы своими заданиями.

Но начну не с них, а с того минимума содержания, в котором перечисляется, на какие книги должен опираться ученик при подготовке к ЕГЭ. Не уверен, что ребёнок, заканчивающий обычную школу и не собирающийся специально заниматься литературой, обязан хорошо помнить «Оду на день восшествия... 1747 года» Ломоносова. Не убеждён, что не следует уточнять, какие именно баллады Жуковского будут предложены ученику на экзамене, — всё-таки у Василия Андреевича их больше двух десятков. Мне приходилось писать о том, что нынешняя редакция «Медного Всадника» — совместное творчество Пушкина и пушкинистов и что поэтому его не стоит изучать в школе. Ну, а уж коль скоро вы всё же требуете его знания от ученика, то называйте правильно его жанр: это не поэма, а «петербургская повесть», как и гласит жанровый подзаголовок.

Не думаю, что тестированию должно подвергаться знание некрасовской эпопеи (а не поэмы!) «Кому на Руси жить хорошо». Ведь эта вещь поэтом не закончена. (Читал я в «Народном образовании», 2004, № 5 («Пушкинский выпуск») статью Ю. Минералова, который одобрил включение подобных вещей в школьную программу: «...реально созданная автором *часть* произведения нередко читается людьми как *целое*». Но, на мой взгляд, в данном случае вузовский преподаватель попросту не понял задачи школьного обучения.) А то, что Салтыков-Щедрин представлен в минимуме содержания только как сказочник, для меня загадка! Неужели сказки — главный из всего его творчества вклад в литературу?

«Тихий Дон» — роман огромный, кто ж этого не знает. Так почему в программе из произведений Толстого оставлена только эпопея «Война и мир», а у Шолохова к «Тихому Дону» присоединена ещё и «Поднятая целина»? Программа предлагает учителю и ученикам право выбора, но адекватны ли художественно эти произведения и не затмевает ли «Тихий Дон» всё остальное у Шолохова? Не высится ли он среди них, как горный пик среди холмов? Другое дело — «Мастер и Маргарита» или «Белая гвардия». Здесь «или» художественно оправданно.

И ещё. Если уж, требуя от учащихся знания прозы 60–90-х годов XX века, вы раскрываете скобки и перечисляете авторов: В. Быков, Ю. Бондарев, К. Воробьёв, В. Гроссман, В. Астафьев, В. Шукшин, В. Распутин, Ю. Трифонов, В. Белов, Ф. Абрамов и другие, то для чего же в вашем минимуме существуют «Проза о Великой Отечественной войне», «Произведения о судьбах русской деревни»? Хочется думать, что ученика побуждают знать произведения В. Некрасова, К. Симонова, В. Богомолова, а не, допустим, «Фронт» А. Корнейчука или «Войну» И. Стаднюка, побуждают припомнить книги Б. Можалева, а не роман С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды».

Но пора обратиться к тестам.

Они разные. Есть попросту наивные. Например, вопрос: «Кто из перечисленных персонажей «Слова о полку Игореве» назван «соловьём старого времени»? Даны варианты ответов: Игорь, Святослав, Боян, Всеволод. Ясно же, что «соловьями» (бардами по-нынешнему) русские князья не были. Или о Кулигине из «Грозы» Островского: какое, дескать, он хотел внедрить изобретение: телеграф, громоотвод, печатный станок, микроскоп? Здесь даже не читавший пьесы сообразит, что раз она называется «Гроза», то скорее всего речь о громоотводе. Есть в тестах вопросы ненужные, такого типа: к какому периоду относится пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»? Кто же не знает, что к позднему, а не к «ссылке в Михайловское»? Кстати, в минимуме содержания из Державина выбран «Памятник». Вот бы авторам использовать близость тем стихотворений Державина и Пушкина! Вот бы спросить их, когда они написаны, в какие периоды творчества поэтов?

Есть среди этих тестов такие вопросы: что именно не

входит в данное произведение или кто из перечисленных авторов написал такую-то книгу? Есть масса вопросов-цитат из определённого произведения, чтобы ученик ответил, кому они принадлежат. Хотя не мешало бы авторам, на мой взгляд, проявлять порой побольше ответственности, иначе ученик будет заведён в тупик. Как, допустим, в этом случае:

«Назовите произведение (вторая половина XX века), о героине которой автор пишет:

«...она была больна, но не считалась инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе — не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца. Но мужа не было уже двенадцать лет, с начала войны, и нелегко было теперь добыть те справки с разных мест о его стаже и сколько он там получал».

- 1) «Прощание с Матёрой» (В.Г. Распутин)
- 2) «Привычное дело» (В.И. Белов)
- 3) «Матрёнин двор» (А.И. Солженицын)
- 4) «Царь-рыба» (В.П. Астафьев)»

Названные авторы очень разные, у каждого — своя стилистическая манера, но в данном случае цитата выбрана, что называется, **бесстильная**. Так мог написать каждый из этих писателей. Так может написать и журналист в газетном или журнальном очерке. А ведь приведи авторы на самом деле стилистически узнаваемую цитату, это задание имело бы прямое отношение к литературе «как виду искусства».

Но, увы, часть 1 («задания типа А» — именуют их авторы) — калька с телевизионной передачи «Кто хочет стать миллионером?». Как и там, **это проверка механической памяти**. Старшеклассник обязан показать, что он читал книгу. **А что он в ней вычитал, понять по ответам на вопрос тестов практически невозможно**.

Та же картина и в части 2 («задания типа В»). Здесь в основном предлагается ответить на вопросы об имени героя, о названии произведения, о его жанре, о художественном приёме, использованном таким-то автором. И опять ни слова об усвоении. (Кстати, впечатление порой такое, что авторы не идут дальше каких-то архаических трактовок. Например, просят детей указать название произведения Пушкина, в одной из глав которого «автор иронически даёт вступление ко всему произведению:

Я классицизму отдал честь.

Хоть поздно, а вступление есть».

Но учёные давно уже разъяснили, что не только иронией руководствовался здесь Пушкин. И что вовсе не ко всему «Евгению Онегину» дано вступление, помещённое в конце седьмой главы.)

Так что понятно, почему из четырёх часов, отведённых на экзамен, авторы рекомендуют на обе эти части отвести не более часа. Возможно, что этого времени даже много.

А вот часть 3 («задания типа С»). Она в свою очередь делится на две части. В одной предлагается ответить на конкретный «проблемный» вопрос, в другой — истолковать, оценить стихотворение или объяснить смысл, художественное своеобразие и роль эпизода произведения во всей книге. Например: «Кто, по-вашему, Софья: единомышленница Чацкого или защитница нравов фамусовского общества? (По пьесе А. Грибоедова «Горе от ума».)»

То, что Софья не единомышленница Чацкого, сообразит любой, даже не читавший пьесы, а видевший её постановку (допустим, по телевизору). А вот что до «защитницы нравов фамусовского общества»... Хотелось бы послушать, как ответят на свой вопрос авторы. Они ведь категоричны: либо единомышленница, либо защитница. Других вариантов бедному ученику не оставлено. Что же прикажете ему писать? Если не единомышленница, стало быть, защитница нравов? А каковы нравы фамусовского общества и в какой мере им следует Софья? Всех ли членов этого общества она уважает? Авторитетен ли для неё сам Фамусов? Разделяет ли она мнение большинства на такую-то проблему, или такую-то, или такую-то?..

Итак, вопрос поставлен. Обосновывая критерии оценки ответа на него и подобные ему, авторы поясняют: высшей оценки заслуживает тот ученик, который, в частности, «обнаруживает понимание проблемы, предложенной в вопросе, и предлагает своё объяснение её смысла, выдвигая главный тезис, приводя развивающие его доводы (тезисы), демонстрируя знание проблематики произведения и самостоятельность суждений». Но в том-то и дело, что обнаружить понимание проблемы, предложенной в вопросе, очень непросто. Вопрос поставлен настолько нечётко, что школьнику нелегко будет пробираться через лабиринт пьесы А.С. Грибоедова, внимательно рассматривая каждую её деталь, чтобы исчерпывающе на него ответить. Разумеется, он может не отвечать на этот

вопрос, а выбрать из той же части другой. К примеру, «почему М. Горький сделал босяка главным героем своих произведений? (По одному из ранних произведений)». Что ж. Возьмёт ученик, допустим, «Челкаша» и станет размышлять, почему именно этот, а не другой персонаж — главный герой произведения. Но разве в этом рассказе есть какой-то другой персонаж, претендующий на первенство? На то, чтобы стать главным героем? А если нет, то как отвечать на вопрос? Как, точнее, разобраться, что вообще имеется в виду? Рассказывать ли о литературной моде того времени и о законодателях этой моды — норвежском писателе Кнуде Гамсуне? Если рассказывать, то уверены ли авторы, что школьник о Гамсуне хотя бы слышал?

Горький сделал героем «босяка» потому, что и сам биографически тогда тяготел к этой социальной категории? Но ведь не только «босяки» были главными персонажами его ранних рассказов. Так что в любом случае определённо школьник на заданный вопрос не ответит.

Авторы же как раз требуют определённости. Другой критерий высшей оценки ответа на их вопрос заключается, как они пишут, в том, что суждения ученика «обосновываются текстом произведения, который привлекается достаточно разносторонне (пересказ элементов текста с их оценкой, короткие цитаты с комментарием, упоминание словесных образов, деталей повествования с объяснением их смысла и др.)». Но в данном случае даже блестящая память не поможет. Ломая голову над этим заданием, ученик потеряет немало драгоценного времени. А ведь ему нужно выполнить ещё одно задание. К примеру, прочитать фрагмент романа «Война и мир» о Пете Ростове и оценить смысл, художественное своеобразие и роль этого эпизода в произведении. А может, выбрать и другое задание из того же варианта: «Прочитайте стихотворение В.В. Маяковского «Послушайте». Дайте своё истолкование и оценку произведения».

Что ж, за такого рода задания авторы готовы выставить высшую оценку в случае, если «предлагается своя версия объяснения общего смысла фрагмента и тесной связи его с авторским замыслом; объясняются мотивы поведения, отношения и характеры героев; характеризуется эмоциональный тон стихотворения, мысли и чувства лирического героя». Это уже объём солидной критической статьи, которую вряд ли школьник напишет на едином экзамене.

Общий смысл отрывка об эмоциональном подъёме, который испытал Петя Ростов, выпускник определит без труда. А вот увязать это Петино состояние с авторским замыслом, быть может, и сумеет, если поймёт, в чём этот замысел состоит и к чему относится. А для этого необходимо, чтобы перед ним лежал весь роман. Полагаться на собственную память, оценивая роль маленького кусочка огромного художественного массива во всём этом массиве, — по меньшей мере неразумно.

Другое дело — стихотворение, которое процитировано полностью. Его легко интерпретировать, и в данном случае, скорее всего, ученик возьмётся за это задание. В данном! — подчёркиваю это. Потому что в другом варианте выпускнику предлагается поработать со стихотворением К. Бальмонта «Что достойно, что бесчестно...», которое, по-моему, не имеет бесспорной художественной ценности. И, стало быть, чтобы избежать работы с ещё одним фрагментом из «Войны и мира», ученик вынужден будет искусственно «подогревать» свои эмоции. Надо ли напоминать, что законы литературы выводятся только из настоящей литературы, которую и следует предлагать школьникам?

Что же такое экзамен по литературе в формате ЕГЭ? Это, как видим, **эклектика: викторина, элементы изложения, кусочки сочинения...**

Во вступительной статье к последнему демонстрационному варианту 2005 года ЕГЭ по литературе С.А. Зинин, председатель Федеральной предметной комиссии ЕГЭ по литературе, охотно признаёт критику предыдущих вариантов и хвалит новый, упразднивший задания «типа А» и «типа В» и оставивший только «типа С», ибо, как пишет автор, «задания подобного рода... требуют от учащихся опоры на определённые литературные ассоциации, отражающие видение ими истории литературы как процесса, в котором каждое отдельное явление в той или иной степени несёт на себе печать предшествующего литературного опыта». На словах — прекрасно. На деле берётся фрагмент текста (концовка чеховского «Ионыча») и предлагаются задания: «Определите жанр

произведения, из которого взят фрагмент: 1) роман, 2) притча, 3) очерк, 4) рассказ». Можно ли по отрывку определить жанр целого? **Нельзя, потому что никаких жанрообразующих признаков отрывок в себе не несёт!** «Какое место занимает этот фрагмент в произведении: открывает его, завершает, является кульминацией любовного сюжета, играет роль вставного эпизода?» То, что фрагмент не «открывает» произведение, ясно из начала приведённой цитаты: «Прошло ещё несколько лет».

А из её содержания не вытекает даже намёка на некий «вставной эпизод» или «кульминацию любовного сюжета». Так что ученика заранее подвели под правильный ответ. «Что является главной темой данного фрагмента?» — не унимаются экзаменаторы и предлагают на выбор: «тему внутреннего раскрепощения личности, вызов «маленького человека» обывательскому миру, тему духовной деградации человека, тему оскудения «дворянских гнёзд». Снова они сотрясают воздух: ученик ведь прочтёт в предложенном фрагменте о Старцеве недвусмысленное: «У него много хлопот, но всё же он не бросает земского места; жадность одолела!»

Разбирать другие жанровые задания (по стихотворению Есенина и по фрагменту из «Горя от ума») не стану: все они составлены примерно в том же ключе. А вот насчёт вопроса: «Почему А.С. Пушкин называет роман в стихах «Евгений Онегин» «свободным романом?»» высказаться просто необходимо. Тем более что подобный вопрос оказался в числе тем выпускного сочинения прошлого года. Но понимают ли вопрошатели, чего требуют от школьников? Они требуют обозначить и подробно обосновать жанровые особенности «Евгения Онегина». **А это тема даже не дипломной студенческой, а полноценной кандидатской работы.**

«Свободный роман» Пушкина — жанр уникальный, не имеющий аналогов ни в отечественной, ни в мировой литературе. Сможет ли это доказать ученик за время, отведённое ему на экзамен? Не сможет. Скорее всего, сосредоточится на расхожих пошлостях типа так называемых лирических отступлений, на которые напирала учебники моего школьного детства (пятидесятые годы), напирала и нынешние, абсолютно не задумываясь над тем, что автор — такой же герой пушкинского романа в стихах, как и все остальные, потому, в частности, что роман в стихах не заканчивается исчерпанностью романной коллизии, а имеет кольцевую композицию: его лирическая концовка — один день жизни автора в Одессе из «Отрывков из путешествия Онегина» — прямо перекликается по смыслу и по теме с одним петербургским днём Онегина в первой главе. Так что «лирически отступать» автору в «Евгении Онегине» некуда да и незачем!

А что может ответить школьник на другой вопрос из этой же части варианта: «Воспел или «отпел» пролетарскую революцию А.А. Блок (по поэме А.А. Блока «Двенадцать»)»? Современники Блока по-разному восприняли эту поэму: кто ре-

шил, что Блок «воспел», кто — что «отпел». И у тех, и других были для этого веские аргументы. Всё же воспевать грабежи и тех, кому «на спину б надо бубновый туз», Блок, очевидно, не стал, а с другой стороны, и буржуя на перекрёстке написан поэтом явно без симпатии. Так какой ответ школьника окажется, по мнению разработчиков, верным?

С.А. Зинин одну из своих статей начал с цитаты из Галилея: «Цель моя — измерить всё, что измеримо, и сделать измеримым всё, что неизмеримо». Что ж, великий естествоиспытатель верно сформулировал свою задачу. Но по плечу ли она искусствоведам? А литературоведам? Точнее, их ли это дело? А если не их, то можно, как показал С.А. Зинин, бесконечно редактировать вопросы в вариантах ЕГЭ, сделать их, как предложила московская учительница И.В. Щербина (см.: Литература. 2005. № 6), более осмысленными. **Нельзя только заставить их исполнить ту роль, которую истари признавали за сочинением, — реальным контрольным материалом, позволяющим судить и об обычной грамотности ученика, и о степени его литературной образованности: его умении погружаться в текст, сопереживать автору, формулировать свои мысли и чувства.**

Не научить детей подобному умению — значит сильно подорвать возможность духовного воспитания подрастающих поколений. Как известно, в 20-х годах прошлого века большевики выслали из России на так называемом философском пароходе гуманитарный цвет нации — великих философов и филологов. Похоже, что «философский» пароход снова подплывает к нашим берегам — на этот раз за всей нашей великой литературой, которую фактически гонят из школы. Выгонят — с чем останемся? Кем останемся?

Кем станем? **НО**

